

ПРОЕКТ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОГО ПЕРЕВОДА ЕВАНГЕЛИЯ

Начало научного изучения кирилло-мефодиевского перевода Евангелия датируется 1778 г., когда И. Добровский для издания пражских отрывков латинского текста евангелия от Луки использовал также и славянские рукописи. После знакомства с рукописными собраниями Москвы и Петербурга в 1791 г. Добровский пришел к выводу, что евангельский текст у славян распадается исторически на три редакции — раннюю (*antiqua*), во главе с Галичским евангелием 1144 г., среднюю (*media*) и позднюю (*postrema*), легшую в основу печатных изданий. Эта текстологическая теория послужила основанием грандиозного труда Г. А. Воскресенского по изданию славянского евангелия от Марка по 112 рукописям. Издатель опирался также на результаты научной деятельности своих учителей А. В. Горского и К. И. Невоструева, поэтому в качестве основного списка второй редакции (*media* Добровского) он избрал Мстиславово евангелие (полный апракос XII в.), бывшее предметом многолетних исследований Невоструева, для четвертой редакции (*postrema* Добровского) он остановил свой выбор на Константинопольском евангелии 1383 г., на которое было обращено особое внимание описателей Синодального собрания [1, с. 224—227, 254—256], а между ними расположил редакцию «Нового завета святителя Алексея». Схема Добровского проглядывает и в исследовании К. Горалека [2], хотя последний вслед за И. В. Ягичем, В. Вондраком, М. Н. Сперанским, И. Вайсом последовательно разделяет по языку краткие апракосы, полные апракосы и тетры.

Начатая Ягичем разработка лексических вариантов (синонимов, дублетов) церковнославянского языка оказала существенное влияние на разработку текстологии славянского Евангелия, что отразилось в упомянутом труде Горалека и наиболее полно воплотилось в текстологической теории О. Неделькович [3]. Искусно и непротиворечиво сведя воедино результаты двухвековой научной традиции, Неделькович выделила следующие этапы в истории славянского евангельского текста до эпохи первых печатных изданий: 1) краткий апракос Кирилла и Мефодия, 2) тетр Кирилла и Мефодия, изготовленный в Моравии на основе краткого апракоса, 3) моравский апракос, подвергшийся влиянию тетра, 4) переход тетра в Преслав и Охрид, 5) возникновение полного апракоса в России в XI в., 6) формирование балканского тетра под влиянием полного апракоса, 7) редакция тетра XIV в., ставшая основой печатных изданий. Очевидно, что первые два этапа представляют собою результат логической реконструкции, третий выделен на материале Саввиной книги, четвертый — на основе Мариинского и Зографского тетров, шестой на основе таких болгарских списков, как Добромирово и Тырновское евангелия, пятый и седьмой соответствуют второй и четвертой редакциям Воскресенского, *media* и *postrema* Добровского. Таким образом, новизна этой текстологической теории заключается в том, что вместо одной нерасчлененной редакции

(antiqua Добровского) предлагается раздельно рассматривать апракос и тетра, а в истории тетра различать два главных этапа — до полного апракоса и после полного апракоса.

При современном уровне знаний эта текстологическая схема не может вызвать серьезных возражений, хотя признать ее достоверной также нет особых причин. Дело в том, что при создании ее было использовано весьма ограниченное число рукописей, а выделение редакций произведено на основании языка, точнее, лексических вариантов-синонимов (см. критику этого подхода у Л. П. Жуковской [4, с. 121—127]), а не на основании особенностей текста.

Редакция — это понятие текстологическое, заключается она в более или менее сознательной и целенаправленной переделке текста, а выражается в таких текстовых перестройках, как добавления, опущения, перестановки и замены (более серьезных перестроек текста в таком памятнике как Евангелие не бывает). Редактирование текста может быть проведено в ходе сверки одного списка с другим и соответствующей правки в тех местах, где расходятся показания списков. Редактирование переводного памятника, каково славянское Евангелие, в конечном счете всегда будет попыткой примирить противоречия, существующие в разных списках греческого оригинала и соответственно отраженные в славянских списках. Однако каким греческим разночтениям могут соответствовать такие «редакционные» славянские варианты как *кринь* — *цвѣтъ*, *нѣмь* — *гжгнивь*, *вѣцати* — *рещи*, *лжжавыи* — *неприязнь*, *царство* — *царствие* и т. п., на материале которых (и только таких и подобных им) выделены названные семь этапов в развитии славянского евангельского текста? Ясно, что греческий текст не дает повода для возникновения таких — чисто языковых — вариантов, между тем текстологические варианты (добавления, опущения, перестановки), в большинстве случаев идущие от греческих оригиналов, не учтены Неделькович; также крайне мало и крайне редко учитывались они в других славистических работах о «редакциях» славянского Евангелия. Если это вполне понятно в работе Ягича [5], писавшего историю церковнославянского языка, а не историю текстов древнейших переводов, то Горалеку при решении вопросов развития евангельского текста не следовало смешивать в одно языковые и текстовые данные, тогда как Неделькович и, например, И. Добрев [6] оперируют при рассуждениях о «редакциях» почти исключительно фактами синонимии.

Ведь если древний редактор сталкивается с таким, например, случаем, как *κωυρὸς* в греческом оригинале, *неприязнь* в славянском списке, текст которого он «редактирует», а сам дает *лжжавыи*, то тут уж приходится говорить о новом переводе, потому что такое изменение не вызвано потребностью привести славянский текст в согласие с новым греческим оригиналом или устранить ошибку в переводе, что тоже входило бы в задачу редактора. Едва ли можно говорить о семи переводах греческого Евангелия на славянский язык, по методика работы Неделькович логически приводит, как кажется, именно к такому выводу.

Между тем, систематическая замена лексики при сохранении в неизменности других компонентов текста может происходить при стилистической редактуре (см. описание этого явления у Д. С. Лихачева [7, с. 135 и сл.]), но такое объяснение в данном случае также нелегко допустить, и уж конечно оно нуждалось бы в серьезном обосновании. Получается так, что каждый важный этап в истории евангельского текста у славян (введение тетра, полного апракоса, нового тетра в XIV в.) сопровождался именно стилистическим редактированием. Это не является правилом в истории других переводных памятников и крайне неуместно именно для Евангелия в связи с условиями его общественного функционирования, предполагающими особый консерватизм текста и устойчивость словоупотребления.

Текстологическое исследование памятника письменности, сохранившегося в известном числе рукописных копий, ставит своей целью создание истории текста, т. е. определение его первоначального вида, установ-

ление его последующих изменений, обнаружение причин этих изменений (см. определение задач текстологии у Д. С. Лихачева [7, с. 27]). Текстологическое исследование приводит обычно к построению стеммы — графического изображения отношений между сохранившимися списками с реконструкцией утраченных членов генеалогического ряда. В результате появляется возможность выделить список, который лучше других передает текст архетипа, и те списки, которые полнее других отражают этапы развития текста. При необходимости издания текста должны быть использованы этот список и эти списки, тогда издание получает научно обоснованный характер. Почему все это не проделано в отношении кирилло-мефодиевского перевода Евангелия-апракоса?

Древнейшие списки славянского апракоса и тетра содержат текст памятника без существенных лакун и отстоят от времени появления славянского архетипа всего на век-полтора-два, что, казалось бы, создает благоприятные условия для реконструкции архетипа, если сравнивать положение дел в области сходного греческого материала. Однако существенных успехов в реконструкции не достигнуто, потому что данные древнейших списков далеки от единодушия. Единственная доведенная до конца попытка реконструкции И. Вайса применения в славистике не нашла, критика ее длится уже полвека [8, с. 4—11]. Гораздо важнее любой реконструкции было бы критическое издание кирилло-мефодиевского перевода. Понятно, что выбор основного для издания списка мог бы колебаться между Ас, СК и ОЕ¹, но без текстологического обоснования этого выбора перед нами окажется всего лишь издание Ас, СК или ОЕ с критическим аппаратом, но не издание кирилло-мефодиевского перевода. Из каких списков брать разночтения и какие? Списков краткого апракоса XI — начала XV в. не менее 50, а с фрагментами их число может дойти до ста — это слишком большой текстологический материал, чтобы его можно было поместить в критический аппарат целиком. Следовательно, нужно найти принципы отбора списков и чтений, включаемых в аппарат. Наконец, часть краткоапракосных чтений может сохраниться в полных апракосах и тетрах и, наоборот, ряд краткоапракосных списков мог подвергнуться влиянию полного апракоса и тетра, таким образом, количество рукописей, которые необходимо в большей или меньшей степени обследовать, доходит до нескольких сот.

И все же главным препятствием на пути генеалогической стемматологии славянского Евангелия оказывается не количество списков, как бы велико оно ни было, а отсутствие «текстологических примет» — этим выразителем Д. С. Лихачев [7, с. 221 и сл.] называет устойчивую группу разночтений, по отношению к которой так или иначе распределяются наличные списки исследуемого произведения. В списках Евангелия — как апракоса, так и тетра — разночтения оказываются в самых различных сочетаниях и комбинациях, так что не поддаются никакой систематизации. Выразительную иллюстрацию этой особенности славянского евангельского текста приводит по 150 спискам Л. П. Жуковская и признает невозможным выявить какую-либо закономерность в этом хаотическом смещении разночтений [4, с. 31—50]. В свое время и А. В. Михайлов, крупнейший знаток славянского паримийного и четьего текстов кн. Бытия, также признал свое поражение при попытках выявить текстологические приметы в списках этих памятников [10, с. 352 и др.].

Эта особенность славянского Евангелия (как и некоторых других подобных текстов) является результатом его своеобразной текстологической истории. Если в обычной текстологической традиции у каждого списка, как правило, только один список-предшественник, один протограф, один «родитель», то в истории Евангелия картина иная: у большинства списков по меньшей мере два протографа и, как у людей, два «родителя», но может оказаться и больше, потому что переписчик Евангелия наряду с двумя-тремя славянскими списками мог пользоваться еще и каким-нибудь

¹ Сиглы славянских рукописей даются нами в согласии с каталогом Л. П. Жуковской [9, с. 314—322; 4, с. 355—366].

греческим списком, выбирая в ходе работы отдельные чтения из того или иного источника. В рукописной традиции Евангелия преобладают, таким образом, списки со смешанным текстом (сводные редакции). Показателем смешанного текста являются случаи слияния (conflatio) чтений. Интересен в этом отношении следующий пример: Мр XV 16 (воини ведома и́са) на дворь СК, Ас, Мст = греч. εἰς τὴν αὐλήν, вноутрь двора Конс (1383 г.) = греч. ἔτω τῆς αὐλῆς, въжтръ на дворь Марн, Зоґр, ОЕ, Вук. Чтение СК, Ас, Мст передает чтение греческого апракоса [11, р. 169; 12, р. 124], тогда как чтение Конс передает чтение греческого тетра. Для чтения Марн и др. греческий оригинал отсутствует, оно между тем представляет собою соединение двух предшествующих чтений. Поскольку, однако, тетровый вариант не засвидетельствован славянскими источниками ранее XIV в., можно думать, что слитное чтение в Марн и др. восходит к не отмеченному пока в научной литературе слитному греческому чтению, или же что это чтение возникло на славянской почве при дополнении апракоса до тетра.

В качестве примера слитного чтения, возникшего на славянской почве, ср. Ио XI 9 по тетра XIV в.: не два ли на десете ни́и ъста часа в дни КМеф—21. Это чтение образовалось из двух других: не двѣ ли на десете годинѣ ъсте въ днѣи ОЕ, не два ли на десете часа ъста въ дни Мст. Как видно, форма ни́и появилась в результате искажения формы годинѣ в составе слитного чтения.

Казалось бы, слитные чтения должны быть самым обычным явлением в евангельских списках, на самом деле они встречаются редко. Расположение друг подле друга форм из разных источников, как правило, заметно меняет содержание пассажа, а ведь представление о правильности того или иного содержания в деятельности редактора-практика всегда находитсѧ на первом месте, в соответствии с этим представлением отдается предпочтение той или иной вариантной форме. Сходным образом и в списках греческого Евангелия «смещение обычно выражается заменой одного чтения другим, а не слиянием чтений» [13, р. 117]. В случае со славянским Евангелием, особенно служебным, содержание текста не извлекалось из совокупности языковых форм данного списка, а скорее вкладывалось в нее. Именно потому, как отмечает Г. Лант [14, S. 226—227], перед редактором-переписчиком не стояла задача точного копирования оригинала, его задачей являлось изготовление «правильного» текста, зачастую путем внесения перемен в копируемый оригинал. Источником таких перемен являлся прежде всего другой оригинал или другие оригиналы².

Таким образом, использование двух и более оригиналов при изготовлении списков Евангелия является проявлением сознательного контроля над «правильностью» и тем самым стабильностью текста: ведь сталкиваясь с ошибкой в одном оригинале, писец мог исправить ее по другому оригиналу. Впрочем, при отсутствии четких филологических критериев правильного и неправильного, хорошего и плохого чтения возникали условия для довольно произвольной замены того, что не нравится, тем, что нравится, а это приводило к сильному расширению текстового варьирования и беспорядочному перемещению в списках тех разночтений, которые по той или другой причине возникли в эпоху первоначального становления текста и проникали в него в последующее время. Таким образом, памятник с контролируемой текстологической традицией, каково славянское Евангелие, оказывается практически закрыт для генеалогической текстологии, на что указал в свое время П. Маас [16, S. 4]. Единственным утешением

² В отличие от нас, Г. Лант считает, что источником изменений текста были тот общий облик текста, который хранился у переписчика в памяти, и его лингвистическая компетенция, языковый вкус, определяемые также традициями данной школы и данной местности. Окончательно решить эту дилемму в ту или иную сторону можно будет лишь после проведения текстологического исследования Евангелия, о котором идет речь в настоящей статье. Отметим, однако, что очень многие варианты славянского текста находят себе соответствия в греческих текстах, и одно это значит, что возникли они путем усвоения текстологически разнородного материала, а не из головы переписчика [15, с. 96—97].

для исследователя такого памятника остается надежда на то, что при такой истории текста не теряются чтения архетипа, спонтанно и непредсказуемо появляясь в том или другом сколь угодно позднем списке [17, р. 24].

Существование контролируемой текстологической традиции было в допечатную эпоху единственным средством борьбы с естественной порчей текста и увековечением в нем стихийных и случайных ошибок. Контролируемый текст — явление широко известное в латинской и греческой письменности, средневековые рукописи которой часто восходят к древним «изданиям», положившим начало контролируемой истории того или иного памятника [18, р. XV, XVIII; 19, р. 263 и сл., 281—282]³.

Вероятно, глубже других в природу контролируемой текстологической традиции вник американский текстолог Э. К. Колвелл⁴; свои размышления на эту тему он изложил в ряде работ 60-х годов, посвященных изучению греческих новозаветных рукописей, т. е. материала, типологически и генеалогически близкого к рассматриваемому кирилло-мефодиевскому переводу.

Согласно Э. К. Колвеллу, история рукописной традиции греческого Нового завета — это история перехода от бесконтрольности к строгому контролю. И в бесконтрольный, и в контролируемый периоды возможны порча и улучшение текста, но обычно перемены, которые вносит редактор, работающий с двумя-тремя оригиналами, это улучшение на фоне предшествующей анархии. Работа редактора блокирует также дальнейшую серьезную порчу текста. В первые два-три века своего существования греческий текст Нового завета находился в условиях бесконтрольного существования. Введение христианства в качестве официальной религии в IV в. сопровождалось установлением контроля над текстом. В Александрии контроль стали осуществлять филологи, пришедшие в христианство из язычества и принесшие с собою филологические навыки эллинистической эпохи, в Константинополе стабилизации текста способствовало его церковно-литургическое применение [24, р. 166—168]. Так сложились два главные текстовые типа греческого Нового завета — александрийский и константинопольский.

Понятно, что унификация текста наступила не сразу, для этого было необходимо, чтобы сменилось несколько поколений списков и старые списки с бесконтрольным текстом вышли из употребления, не являясь больше дестабилизирующим фактором. В процессе взаимовлияния списков при работе редактора по нескольким оригиналам и возникает относительно однородный и относительно стабильный текст. Близкие отношения между рукописями свидетельствуют о том, что контроль над текстом существует.

Списки текста, над которым осуществляется контроль, образуют, по терминологии Колвелла, «текстовый тип» (text-type). Это явление близко к тому, что в отечественной текстологии принято называть изводом [7, с. 141]. Если для группы рукописей, называемой семьей, можно построить генеалогическую стемму и реконструировать архетип, то для извода (текстового типа) это сделать невозможно. Извод не есть дело одного редактора, это процесс, который имеет длительное существование и в котором принимает участие значительное число редакторов. Часть рукописей, входящих в извод, образует ядро, сердцевину извода, часть рукописей

³ Таким образом, в истории контролируемой текстологической традиции кроме «вертикальных» связей между текстами в отдельных списках существуют и «горизонтальные» связи. Учет последних может предохранить исследователя от создания прямолинейно генеалогических схем на основе лингвистических данных. Так, если в тексте полного сербского апракоса восточнославянизмы представлены обширным и плотным слоем, что говорит о восточнославянских истоках полного апракоса у сербов, то едва ли правомерен вывод о восточнославянском протографе Охридского апостола на основе нескольких не очень надежных восточнославянизмов в его тексте, как это допускает П. Выходил и вслед за ним З. Гауптова [20, 21]. Вовсе не исключено, что эти несистематические восточнославянские черты могли попасть в текст по «горизонтальной» линии, т. е. при редакторской сверке нескольких оригиналов.

⁴ См. о его работах также [22, 23]. Правильно оценить некоторые положения теории Э. К. Колвелла помог нам А. И. Зайцев.

находится на периферии и не так близко примыкает к центру. Лучшие, типичные представители извода образуются через несколько поколений рукописной традиции, а это значит, что самые ранние представители его, так же как и поздние, отстоят от центра дальше, чем рукописи, находящиеся в хронологической середине традиции. Таким образом, самые ранние представители извода не являются архетипом извода, потому что извод восходит не к одной какой-нибудь рукописи, а к нескольким рукописям, которые по особенностям текста отстоят друг от друга дальше, чем рукописи, расположенные ближе к центру извода. Наконец, текст извода не может реконструирован, можно лишь определить его типичные черты [24, р. 10—11; 16, 53—54, 162—163].

По всей видимости, эта концепция глубоко исторична и предлагает адекватное изображение истинного положения дел, подтверждением чего служит ряд конкретных исследований (впрочем, пока еще ограниченного размера) греческого рукописного материала, проведенных самим Колвеллом и некоторыми из его последователей [25, 26]. Применимость этой концепции к материалу славянского Евангелия обеспечивается принципиальным типологическим сходством структурных и функциональных характеристик греческого и славянского памятников. Отсутствие текстологических примет, наличие большого числа списков со смешанным текстом, что является проявлением контролируемой текстологической традиции (об этом речь шла выше), сочетается в истории славянского евангельского текста с очевидным движением текста от меньшей стабильности к большей, что впервые было отмечено еще Горским и Невоструевым [1, с. 291—292] и что можно понимать, в согласии с Колвеллом, как естественное историческое развитие извода.

Действительно, если в 45 стихах XI главы Евангелия от Иоанна, читаемого в Лазареву субботу, между двумя древними списками краткого апракоса Ас и СК — 63 расхождения в тексте, то число расхождений у каждого из них с ОЕ меньше: у Ас — 50, у СК — 46. Это статистическое соотношение можно, вероятно, понимать как свидетельство стабилизации текста апракоса⁵. Когда возникает новый текстовой тип — полный апракос, ситуация повторяется вновь, и между ранними его представителями расхождение оказывается больше, чем у каждого из них с ОЕ, ср. Вук: Мст — 54, Вук: ОЕ — 53, Мст: ОЕ — 40. Как видно, в истории евангельского служебного текста X—XII вв. ОЕ, находясь в хронологическом центре, занимает среднее положение и по качеству своего текста. Происхождение разночтений, проникших в древнейшие списки славянского Евангелия, представляет собою особую проблему, касаться которой мы сейчас не будем (см. по этому поводу [27]), тогда как меньшая стабильность текста в первые два века его существования может объясняться тем, что в начальную эпоху было недостаточное количество евангельских списков, так что их взаимное влияние друг на друга, а значит, унификация текста не могли осуществляться так интенсивно, как в период XI—XIII вв., когда число списков резко увеличилось.

Очевидно, что при правильной постановке задач текстологического исследования рукописного материала изложенная концепция может получить практическое подтверждение или же быть отвергнута как ложная. Задачей, которая органически вытекает из данной текстологической концепции, является установление текста извода (текстового типа) через определение среднего, типичного, наиболее характерного списка, в котором с наибольшей полнотой были бы представлены типичные текстовые особенности извода. Будучи положен в основу издания, такой список даст представление о среднем нормальном тексте памятника, он может также послужить отправной точкой и базой для выяснения вопросов истории текста и особенностей его архетипа.

Следующая задача — это попытка выделить среди массы списков, образующих извод, группы списков, более близких друг другу по харак-

⁵ Соотношение между древними тетрами и ОЕ иное, но там и типологическое различие текстов очень велико (ср. Зогр: Мари — 32, Зогр: ОЕ — 41, Мари: ОЕ — 34).

теру своего текста. Постановка такой задачи возможна потому, что обращение списков внутри замкнутых политических и административно-юридических областей происходило, как это нетрудно предположить, более интенсивно, чем переход списков через границы этих областей. Таким образом, типичные текстовые особенности памятника могут оказаться несколько различны в той или другой местности. Для первых веков славянской письменности такими замкнутыми областями были, вероятно, Болгария, Сербия, Галицко-Волынская и Новгородская земли. Понятно также, например, что в XV—XVI вв. на восточнославянской территории обращение списков происходило более интенсивно внутри областей Московской митрополии (Москва и Новгород), с одной стороны, и Киевской митрополии (Украина, Белоруссия, Литва), с другой. Выделение более тесных текстологических групп позволит определить те списки, которые должны послужить источником разночтений для критического издания, вместе с тем, это будет уже верный шаг на пути создания научной истории текста.

Колвелл предложил и метод для определения типичного списка и выделения текстовых групп. Метод основан на подсчете общих и различающихся чтений между всеми списками попарно, но в отличие от других статистических методов статистика Колвелла имеет ряд особенностей, которые делают ее действительно текстологической статистикой. Сущность ее заключается в следующем.

На выбранном для обследования отрезке текста выделяются все места, где показания рукописей расходятся между собой. Эти места названы *variation-units*, что можно было бы удобно обозначить как «узлы разночтений». За исключением узлов разночтений текст в рукописях вполне тождествен. Число узлов разночтений всегда больше, чем число расхождений между любой парой рукописей в отдельности [24, р. 97]. На установленном количестве узлов подсчитывается число общих чтений между каждой парой рукописей. Полученная цифра переводится в процентное отношение, что позволяет сопоставлять данные полных списков и списков с лакунами. Положим, при десяти списках на выбранном отрезке текста определено 100 узлов разночтений, у списков А и В оказалось на этом количестве узлов 40 расхождений и 60 общих чтений, таким образом степень близости между ними определяется в 60%. Как видно, методологическим достоинством этой статистики является то, что она опирается не на подсчет общих ошибок, не на подсчет расхождений, а на статистику общих элементов текста в привлекаемых к обследованию источниках.

Индивидуальные чтения рукописей, т. е. такие узлы разночтений, в которых особое чтение содержит всего лишь одна рукопись, в расчет не принимаются. Действительно, индивидуальные чтения текстологически irrelevantны: они ничего не говорят об отношении рукописей между собой. Вместе с тем, индивидуальные чтения должны быть предметом изучения текстолога: во-первых, их количество и качество является важной характеристикой рукописи, в которой они находятся (списки с большим числом индивидуальных чтений возникают обычно в результате индивидуальной редакторской работы), во-вторых, при решении вопросов реконструкции истории текста и архетипа значение индивидуальных чтений может быть так же велико, как значение типовых чтений.

С увеличением числа списков, охваченных исследованием, растет число узлов разночтений в границах выделенного отрезка текста: этот рост происходит за счет того, что все новые индивидуальные чтения теряют свою уникальность по мере того, как обнаруживаются списки с тождественными чтениями. При этом изменяются показатели, характеризующие степень текстологической близости списков. Ведь при увеличении числа списков и, соответственно, числа узлов разночтений на данном отрезке текста число расхождений между списками А и В в вышеприведенном примере в общем останется прежним⁶. Если, скажем, при ста списках

⁶ Число расхождений может измениться вот каким образом: то или другое индивидуальное чтение списка А находит себе поддержку во вновь привлеченных списках и как полноценный узел разночтений принимается во внимание, но его не разделяет список В.

число узлов разночтений удвоится и их станет 200, то близость списков А и В при прежних 40 расхождениях будет уже составлять 80%. Это значит, что лишь при полном охвате всей рукописной традиции памятника может быть установлена реальная картина текстологических отношений между сохранившимися списками. При частичном охвате рукописного материала отбор должен быть обоснован историей текста, носить принципиальный и неслучайный характер. Колвелл демонстрирует свой метод на десяти списках греческого Евангелия, о которых наука располагает достаточно полными сведениями: совпадение результатов исследования,

Таблица

		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Погод. 227	. 98	91	81	64	52	56	48	40	35	35	33	
2	Волок. 13	98	. 94	81	64	51	56	46	40	36	35	33	
3	Погод. 87	91	94	. 78	61	50	51	42	40	34	36	36	
4	ОИДР 171	81	81	78	. 81	61	63	54	49	44	43	42	
5	ГБ	64	64	61	81	. 70	67	69	46	43	44	45	
6	Ундольск. 1а	52	51	50	61	70	. 80	75	63	44	34	34	
7	Солов. 807	56	56	51	63	67	80	. 75	63	41	36	35	
8	Чудовск. 8	48	46	42	54	69	75	75	. 69	52	46	46	
9	Академич. 127	40	40	40	49	46	63	63	69	. 52	57	51	
10	Троицк. 730	35	36	34	44	43	44	41	52	52	. 75	73	
11	Ундольск. 16	35	35	36	43	44	34	36	46	57	75	. 94	
12	Погод. 1	33	33	36	42	45	34	35	46	51	73	94	.

Примечания: 1. По горизонтали и вертикали в одном и том же порядке расположены данные двенадцати списков XIII — XVI вв. Каждая цифра, таким образом, фигурирует в таблице дважды.

2. Цифры обозначают процент общих чтений. Для большинства списков данные приведены на основе ста узлов разночтений (в объеме первых четырех глав Песни песней), для списков Чудовск. 8, Ундольск. 16, Погод. 1 вследствие лагун таких узлов 85. Эти цифры для наглядности примера несколько округлены.

3. Список ОИДР 171 (ГБЛ) относится к XIII в., Чудовск. 8 (ГИМ) — к XIV в., остальные — к XV — XVI вв. ГБ обозначает Геннадиевскую библию 1499 г. (ГИМ, Синопольный 915). В Ундольск. 1 содержится два разных текста (а, б). Из анализа исключены 7 списков XV — XVI вв., представляющих собою копии тех списков, которые включены в таблицу, а также 11 списков XVII — XVIII вв., которые, во-первых, не имеют таких текстологических признаков, которые бы не были известны из более ранних списков, а во-вторых, часто правлены по Острожской Библии 1589 г.

4. В ГБ — 15 индивидуальных чтений, в Ундольск. 1а — 10, в остальных списках — не более пяти.

5. Сплошными линиями обведены текстовые группы списков, пунктирными — периферийные члены групп. По мнению Колвелла, показателем не столько процент общих чтений внутри группы (группа может быть диффузная), сколько разрыв группы с ближайшим окружением, который должен составлять не менее 10%.

предприятного Колвеллом, с тем, что уже известно о текстологических отношениях между этими списками, служит, таким образом, доказательством надежности предложенного метода. Не располагая соответствующим славянским материалом, мы демонстрируем применение этого метода на тексте Песни песней, перевод которого был выполнен у восточных славян в конце XII в. и сохранился в 30 списках XIII—XVIII вв. ?

Истолкование данных таблицы:

1. Поскольку охвачены все основные списки текста, то данные таблицы могут быть истолкованы применительно к истории текста. Выделяются четыре группы списков с промежуточными между ними рукописями. Сопоставление с греческим текстом показывает, что наибольшей текстологической ценностью обладает группа списков 6—7—8.

2. Текстологические отношения рукописей могут не совпадать с их генеалогическими отношениями. Так, анализ чтений показывает, что группа списков 1—2—3 восходит к тому тексту, какой представлен в списке 4, о чем нетрудно догадаться по проценту общих чтений у каждого списка группы 1—2—3 со списком 4. Однако и группа 11—12 восходит к тому

? Подробный разбор этого перевода с текстологическим анализом рукописного материала мы подготовили к публикации в одном из ближайших томов «Трудов Отдела древнерусской литературы».

же тексту, что уже не видно из цифровых отношений. Следовательно, статистический метод позволяет обнаруживать естественную группировку рукописей, тогда как установление генеалогических отношений выходит за пределы его непосредственных возможностей.

Чтобы показать, как появляется при подобных подсчетах противоречие между текстологической группировкой рукописей и их генеалогическими отношениями, ограничимся одним лишь примером из славянского Евангелия, где в стихе Мр XV 16 (6-е Страстное евангелие) рукописи дают два вариантных чтения — (воини) ведоша и: ведоша *иса*. Первое из них с дополнением *и* соответствует чтению греческого тетра *στρατιῶται ἀπύραγον αἰτόν*, тогда как вариант с именем собственным представляет собою типичное чтение греческого апракоса [12, р. 124]. Однако в таких апракосах, как ОЕ, КМ—111 (XIV в.), вариант *и* представляет собою не усвоенное тетрового чтения, как можно было бы думать, а объясняется из контекста, включающего в себя причастный оборот, ср. в ОЕ: воини имъше *иса* ведоша и. Чтение с причастным оборотом в кратких греческих и славянских апракосах в составе 6-го Страстного евангелия отсутствует, зато в этой форме оно читается в полных апракосах, как греческих [12, р. 115], так и славянских (см. Мст 1166) в составе стиха Мр XV 20 в мясопустную пятницу, откуда оно, очевидно, и было усвоено частью кратких апракосов. Так, разные по своему происхождению употребления местоимения *и* при статистике оказываются объединены и противопоставлены имени *иса*.

3. Анализ чтений списков 9 и 10 показывает, что текст в этих списках, восходя генетически к тексту, представленному в группе 11—12, был правлен по тексту группы 6—7—8. Точно так же смешанного состава текст в ГБ: генетически он восходит к тексту, представленному в списке 4, но претерпел правку по тексту группы 6—7—8. Вероятно, внешним показателем смешанного текста при статистическом исследовании по методу Колвелла является сопоставимый процент общих чтений у списка со смешанным текстом и списков, входящих в различные текстологические группы, а также промежуточное положение такого списка в итоговой таблице. Установление смешанного текста (сводной редакции) является важным и трудным вопросом генеалогической текстологии, поэтому возможность использовать статистическую методику Колвелла для решения этого вопроса придает ей особую ценность.

4. Наиболее типичный текст Песни песней представлен, как видно из таблицы, в ГБ, где соединились две главные разновидности текста. При необходимости публикации среднего текста список ГБ может быть положен в основу издания, тогда как ведущие списки текстовых групп могут служить источником для критического аппарата.

5. Песнь песней не относится к памятникам с контролируемой текстологической традицией, так как из 12 основных списков всего в трех обнаруживается смещение текста (сводная редакция). Поэтому, вероятно, так четко выделились текстовые группы в рукописной традиции памятника и так легко оказалось перейти от интерпретации текстологических отношений к установлению генеалогических отношений и построению истории текста.

6. Наконец, из характера наших комментариев к таблице видно, что статистический метод Колвелла не является новым текстологическим методом, он лишь служит первым шагом на пути текстологического анализа, который после выделения на основе статистики текстовых групп должен, во-первых, подтвердить правильность статистических результатов анализом отдельных чтений, и во-вторых, на всех дальнейших этапах исследования опираться только на анализ разночтений в смысле их достоверности, выводимости одного из другого, соответствия их чтениям греческого оригинала и т. д.

Статистические подсчеты как средство текстологической оценки списка проводились на материале греческого Евангелия несколько десятилетий (при этом в качестве эталона, по отношению к которому статистически оценивались отдельные рукописи, выступал *Textus receptus*, т. е. издав-

ный в 1516 г. Эразмом Роттердамским текст Нового завета), прежде чем Колвелл не пришел к мысли о необходимости отказаться от эталона и сравнивать списки друг с другом. Это и повлекло введение других новшеств: выделение узлов разночтений, исключение из подсчета индивидуальных чтений. Насколько менее показательными оказываются текстологические результаты при статистической оценке списка в отношении эталона, можно увидеть на вышеприведенной таблице, если ограничиться данными только одной строки. Правильная картина не будет искажена разве что по отношению к ГВ, являющемуся действительно средним списком. На самом же деле при сопоставлении с эталоном результаты будут еще беднее и пестрее, потому что цифры настоящей таблицы получены после исключения индивидуальных чтений и перевода абсолютных цифр в сопоставимые процентные отношения.

Как видно из таблицы, при сплошном взаимном соотношении списков друг с другом конечные результаты подсчетов определенным образом отражают качество вариантных чтений. Например, четыре первые списка и три последние вполне тождественно соотносятся с Чудовск. 8, но, как видно из таблицы, они обладают текстом различного качества, что и не укрылось от статистики по методу Колвелла. При использовании эталона качественные различия между списками оказались бы не выявлены. Таким образом, методу Колвелла не может быть адресован основной упрек, предъявляемый статистико-текстологическим методам, в игнорировании качества чтений.

На тексте какой величины нужно проводить статистические сопоставления? Мысль о том, чтобы изучаемые списки брались в полном объеме текста, оказывается неудовлетворительна не только из-за практической трудности справиться с объемом Евангелия или Евангелия-апракоса, но прежде всего потому, что в большинстве случаев характер текста на протяжении списка может меняться, так что один и тот же список в разных своих частях оказывается в разных текстологических отношениях с другими списками. Следовательно, списки должны сопоставляться между собою по частям, для Евангелия-апракоса это, естественно, будут зачала, т. е. отрезки текста, читаемые в богослужении за один раз. Чем больше таких сопоставляемых отрывков, тем лучше, потому что легче будет обнаружить швы, в которых меняется характер текста, но для первичного обследования достаточно, вероятно, будет взять по одному отрезку из начала, середины и конца каждой рукописи или по одному отрезку из каждого евангелиста и так, чтобы они находились на известном расстоянии друг от друга. Величина отрезка должна быть такова, чтобы статистика оказалась достаточно выразительна (не менее ста узлов разночтений, полагает Колвелл).

Возникает также вопрос, что считать и что не считать. Общий ответ на него таков: те индивидуальные особенности списка (каково бы ни было их происхождение), которые возникают в списке независимо от непосредственного протографа, не должны приниматься в расчет, потому что они ничего не говорят о текстологических отношениях между списками. Таким образом, при анализе славянского материала нужно отказаться, во-первых, от учета орфографических различий, поскольку орфография списка связана прежде всего с навыками писца, а не с орфографией протографа, и, во-вторых, от учета целого ряда лингвистических явлений, возникающих в списках в ходе обновления языка и разрушения первоначальной нормы старославянского текста. Сюда относятся колебания в передаче падежных окончаний имен, в передаче окончаний причастий (-ще, -щи и т. п.), реже внедрение перфекта без связки на месте аориста, замеса аориста бѣ на имперфект бѣше, ряд морфологических колебаний. Для полного определения совокупности лингвистических элементов, подлежащих учету, нужно обследование орфографии и языка каждого отдельного списка на фоне аналогичных черт всех других вовлеченных в исследование списков.

По мнению Колвелла, не должны приниматься в расчет также общие грубые ошибки, поскольку в условиях контролируемой текстологической

традиции они быстро привлекают к себе внимание редакторов и устраняются из текста, так что при их учете мы фиксируем самые короткие генетические связи [24, р. 102], ср. [18, р. XVI]. Эта здоровая в принципе идея, представляющая собою убедительный ответ на порочный метод «общих ошибок» К. Лахмана, находится, однако, в пределах методики Колвелла в противоречии с тем принципом, что все другие чтения, общие только двум спискам, в расчет принимаются и учитываются, — они, между тем, также говорят лишь о самых коротких генетических линиях.

Напротив, нет возможности отказаться от подсчетов строевых элементов текста, таких как союз и местоимение *и*, частицы *же*, *бо*, *оубо* и т. п. Несмотря на то, что они, по всей видимости, легко прибавлялись и опускались, сравнение евангельских списков показывает известную закономерность в их употреблении. Например, вполне регулярный характер носит вариантное чередование *же* в постпозиции с *и* в препозиции, ср. Мф XIV 30 видѣ же вѣтрѣ крѣпкѣ ОЕ: и видѣ вѣтрѣ крѣпкѣ Пл (краткий апракос, XIII в.); Ио XI 39 гла же иіс ОЕ: и гла иіс Вук (встречается, впрочем, гла иіс Марк, Мст).

Как раз на употреблении союзов и частиц легче наблюдать слитные чтения, возникающие при использовании двух оригиналов. Ср. Мф XIV 31 абие же иіс ОЕ: и абие иіс КМеф-21: и абие же иіс АБ—5; Лк VIII 30 въпроси же иіс КМеф-466: и въпроси иіс КМеф-22: и въпроси же иіс КМеф-844; Ио XI 31 иоудеи же ОЕ: иоудеи оубо КМеф-461: иоудеи же оубо Рила—9; Ио XI 41 възаша же камень ОЕ: и възаша камень Пл: и възаше же камень КМеф-470. Примеры такого рода можно умножить. Они говорят о том, что по крайней мере в отдельных случаях союзы и частицы выступают как текстологические признаки и воспринимались как таковые писцами евангельских рукописей.

Нужно заметить, что на долю частиц, союзов и указательных местоимений приходится немалое число случаев из общего числа узлов разночтений. Например, для зачала Мр XV 16—32 (6-е Страстное евангелие) по 30 спискам XI—XV вв. статистика узлов разночтений такова: изменение в порядке слов — 8, целостная перестройка пассажа — 8, замена глагола причастием и наоборот — 8, прибавка или опущение значащего слова или словосочетания — 16, прибавка или опущение строевых элементов текста — 26, замена одного слова другим — 30. Как видно, четверть всех перемени приходится на колебания в передаче строевых элементов, значит, игнорирование этого материала может дать искаженные представления об отношении между списками. Не исключено, что строевые элементы текста больше связаны с «вертикальной» линией развития текста, чем с горизонтальной. Такие значащие разночтения, как *и҃терь*: *и҃динь*: *и҃ткто*, *градѣць*: *градь*: *вьсь*, глагола: *рече*, *година*: *чась* и т. п. должны естественно привлечь внимание редактора, сравнивающего два текста, и заставить его сделать выбор в пользу одного из вариантов, тогда как менее приметные расхождения между строевыми элементами могут игнорироваться, так что строевые элементы либо остаются в относительной неизменности, либо сводятся в составе слитных чтений.

Наконец, и выделение узлов разночтений требует известной осмотрительности и расчета. Узел разночтений как текстологическая единица не должен отождествляться с лингвистической единицей, так что одним узлом может оказаться как простая замена *же* на *бо*, так и сложная перестройка текста, в которую вовлечен целый ряд лингвистических форм. Так, стих Лк VIII 51 не да възнѣти съ собож никомоуже тѣкмо Петроу и Иоанноу и Искувою и оцоу отроковици и матери ОЕ имеет и такую редакцию как не остави ни единаго внѣти тѣкмо Петра и Иоанна и Иакова и оца отроковици и мтерь КМеф-24. Понятно, что вся перестройка пассажа связана с заменой *да* на *остави* и должна рассматриваться как один узел.

Стих Ио XI 32 возможен в рукописях в четырех текстовых вариантах: (а) мои братъ оумьрль, (б) братъ мои оумьрль, (в) оумьрль мои братъ, (г) оумьрль братъ мои. Можно считать эти четыре варианта различными формами одного узла разночтений, но можно тут выделить два узла:

1) моя братъ : братъ мои, 2) S оумърль : оумърль S, где через S (= subjectum) обозначено сочетание слов *мои* и *братъ* независимо от их порядка. Текстологические отношения между рукописями, в которых эти чтения встречаются, оказываются различны в зависимости от того или иного решения: в первом случае все рукописи располагаются на одинаковом расстоянии друг от друга, во втором случае чтения (а) и (г) оказываются дальше друг от друга, чем от чтений (б) и (в). Предпочтение, конечно, должно быть отдано второму решению, т. е. должны быть выделены два узла и тем самым учтены естественные колебания в оформлении синтаксической связи между определяемым и определителем, между подлежащим и сказуемым. Вместе с тем понятно, что адекватное решение таких вопросов возможно не во всех случаях, так что следует определить ту степень погрешности, которая возникает в ходе подготовки материала и обработки его по этой статистической методике.

Итак, славянское Евангелие представляет собою текст с контролируемой текстологической традицией, закрытый для непосредственного изучения генетических отношений между отдельными его списками и для реконструкции его текстологической истории. Текстологическая задача, которая стоит перед исследователем славянского Евангелия, заключается вследствие этого в нахождении среднего, типичного списка, который давал бы представление о среднем, типичном тексте памятника в известную эпоху его существования. Метод нахождения среднего списка состоит в сравнении между собой всех привлекаемых к исследованию списков с подсчетом для каждой пары в отдельности процента общих чтений. В результате такого обследования евангельских рукописей кроме наиболее типичного по своему тексту списка могут выделиться более тесные группировки рукописей, сложившиеся в разные исторические периоды и в разных политико-административных областях. Найденный средний список может быть положен в основу издания, центральные списки выделенных групп явятся базой для создания критического аппарата.

Вместе с тем, выделение группировок рукописей может создать условия для того, чтобы рассмотреть отношения между ними в историко-генетическом плане, т. е. заняться текстологической историей памятника. Дело в том, что выделение группировок списков существенно упрощает нахождение тех чтений, которыми противопоставлены текстовые группы друг другу, и это откроет путь качественного анализа чтений и установления генетических отношений между группами. Коль скоро будет исследована текстологическая история памятника, то реальной окажется и задача реконструкции архетипа. Поскольку первоначальный перевод Кирилла и Мефодия был переводом Евангелия-апракоса и поскольку реконструкция именно этого перевода представляет собою конечную цель текстологического исследования славянского Евангелия, постольку в результате выделения и идентификации специально апракосных (служебных) чтений в славянском рукописном материале появится возможность дать текстологическую оценку доступных выделению группировок рукописей и в вопросах реконструкции опираться на показания той из них, которая в наибольшей степени сохранила апракосные (служебные) варианты чтений⁸.

При такой постановке задач материалом исследования оказываются все списки краткого апракоса XI — начала XV в. Кроме того, текстологическому анализу должны быть подвергнуты и немногочисленные списки сверхкраткого апракоса, а также весьма многочисленные списки полного апракоса и тетра, относящиеся к этой хронологической эпохе, поскольку в процессе переписки происходило взаимовлияние разных типов текста друг на друга. Оформившийся в XIV в. новый правленный тетр (postrema Доброского, редакция «Г» Воскресенского) представляет собою особый извод (текстовый тип), который является вторичным и косвенным свидетелем кирилло-мефодиевского перевода, тем не менее несколько рукописей этого типа (во всяком случае Константинопольское евангелие 1383 г.)

⁸ О различии тетровых и апракосных (служебных) чтений было кое-что сказано выше, подробнее см. об этом [23].

должны быть обследованы.

Сто списков образуют между собою 4950 пар, при обследовании каждого списка по трем-четырем отрезкам текста количество пар соответственно увеличится. При охвате пятисот списков необходимо будет провести свыше ста тысяч расчетов. Долгие годы уйдут на коллажи рукописей в древлехранилищах СССР и славянских стран, на подготовку материалов для машины, на обработку и интерпретацию полученных после пересчетов данных. Однако уклониться от этой задачи нельзя—об этом говорит двухсотлетний опыт изучения текстологических проблем славянского Евангелия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки. Отдел первый. Священное писание. М., 1855.
2. Hořálek K. Evangeliáře a čtveroevangolia. Praha, 1954.
3. Неделъковий О. Редакције старословенског јеванђела и старословенска синонимика.— В кн: Кирил Солунски: Симпозиум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски. Кн. 2. Скопје, 1970, с. 269—279.
4. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
5. Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. 2te Ausg. Berlin, 1913.
6. Добрев И. Текстът на Добромирското Евангелие и втората редакция на старобългарските богослужбени книги.— Български език, 1979, № 1, с. 9—21.
7. Лизачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. Изд. 2-е. Л., 1983.
8. Алексеев А. А. О греческой основе славянских библейских переводов.— Старобългаристика, 1984, № 1, с. 3—22.
9. Жуковская Л. П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их.— В кн.: Памятники древнерусской письменности. М., 1968, с. 199—332.
10. Михайлов А. В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Часть I. Паримейный текст. Варшава, 1912.
11. Lake K., Lake S. The Text of Mark in Some Dated Lectionaries.— In: Amicitiae corolla. A Volume of Essays Presented to J. R. Harris/Ed. by H. G. Wood. London, 1933, p. 147—183.
12. Prolegomena to the Study of the Lectionary Text of the Gospels/Ed. by E. C. Colwell, D. W. Riddle. Chicago, 1933.
13. Colwell E. C. Genealogical Method: Its Achievements and Its Limitations.— Journal of Biblical Literature, v. 66 (1947).
14. Lunt H. G. One Translation or Two? On the Suprasliensis and Related Sborniki.— Die Welt der Slaven, N. F., Bd. VII/2 (1983), S. 225—249.
15. Алексеев А. А. Принципы историко-филологического изучения переводческого наследия Кирилла и Мефодия.— Советское славяноведение, 1984, № 2, с. 94—106.
16. Maas P. Textkritik.— In: Einleitung in die Altertumswissenschaft/Hrsg. von: A. Gercke und E. Norden. Bd. I, Ht. 2. Leipzig — Berlin, 1927.
17. Zuntz G. A Textual Criticism of Some Passages of the Acts of the Apostles.— Classica et mediaevalia, v. 3 (1940).
18. Pasquali G. Storia della tradizione e critica del testo. Seconda ed. Firenze, 1962.
19. Zuntz G. The Text of the Epistles. A Disquisition upon the Corpus Paulinum. London, 1953.
20. Vyskočil P. Rusismy v apostoláři Ochridském.— Slovo, v. 30 (1980), s. 7—14.
21. Хаунтова З. Древнейший славянский перевод текста Апостола.— Старобългаристика, 1984, № 1, с. 60—61.
22. Логачев К. И. Проблемы критического издания первого письменного памятника кирилло-мефодиевской традиции.— Советское славяноведение, 1982, № 5, с. 66—73.
23. Алексеев А. А. Греческий лекционарий и славянский апракос.— In: Litterae slavicae aevi medii. München, 1984.
24. Colwell E. C. Studies in Methodology in Textual Criticism of the New Testament. Leiden, 1969.
25. Epp E. J. The Twentieth Century Interlude in New Testament Textual Criticism.— Journal of Biblical Literature, v. 93 (1974), p. 386—414.
26. Fee G. D. Codex Sinaiticus in the Gospel of John: A Contribution to Methodology in Establishing of Textual Relationships.— New Testament Studies, v. 15, (1969), p. 23—44.
27. Алексеев А. А. Лексическое варьирование и текстология.— В кн.: Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов, М., 1984, с. 57—58.